

АРТЕМЬЕВА Татьяна Владимировна / Tatiana ARTEMYEVA

| М. М. Щербатов и А. И. Герцен. Формирование интеллектуальной репутации |

АРТЕМЬЕВА Татьяна Владимировна / Tatiana ARTEMYEVA

Россия, Санкт-Петербург.

Директор исследовательской программы Коллугиума инновационных исследований университета Хельсинки.
РГПУ им. А. И. Герцена. Кафедра теории и истории культуры. Доктор философских наук. Профессор.

Russia, St. Petersburg.

Herzen University, Department of Theory and History of Culture.
Helsinki Collegium for Advanced Studies, Helsinki University. Professor, Dr., Research Director.tatart@mail.ru

М. М. ЩЕРБАТОВ И А. И. ГЕРЦЕН. ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕПУТАЦИИ *

М. М. Щербатов (1733–1790) был недооценен современниками и не понят потомками. Роковую роль в его судьбе сыграли И. Н. Болтин, разрушивший его репутацию серьезного историка систематическими придирками и многотомными рецензиями и А. И. Герцен, взявший на себя право определить степень значимости и место в системе авторитетов отечественной мысли. Программное сочинение М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», было написано мыслителем «в стол» и издано лишь в 1858 году Вольной русской типографией А. И. Герцена в Лондоне под одной обложкой с книгой А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Такое соседство не было случайным. Герцен намеренно противопоставляет мыслителей, принося одного из них в жертву прославлению другого. Герцен оценивает критику нравов Щербатовым как стремление к восстановлению допетровских порядков. В сочинении же Радищева он видит призыв к низвержению реакционных устоев.

Внимательное прочтение памфлета показывает, что Щербатов не идеализировал старину. В отличие от Радищева он предлагает не разрушать современное ему несовершенное общество, а усовершенствовать его в соответствии с постижением логики истории. Если «повреждение нравов» совершилось в результате пренебрежения законами общественного развития, то «исправиться» они должны тогда, когда эти законы будут познаны и использованы.

Ключевые слова: М. М. Щербатов, «О повреждении нравов в России», Просвещение, Россия, А. И. Герцен, интеллектуальная репутация, исторический пиар

M. M. Shcherbatov and A. I. Herzen: The Creation of an Intellectual Reputation

Prince Michael Shcherbatov (1733–1790) was underestimated by his contemporaries and misunderstood by his descendants. Fateful roles in the life of his works were played by Ivan Boltin, who destroyed the Prince's reputation as a serious historian by chicanery and multivolume reviews, and by Alexander Herzen, who determined his relevance and place in the authority system of national thought. Shcherbatov's principal work *On the Corruption of Morals in Russia* was first printed in only 1858 by the Free Russian Typography in London. Herzen published this work under one cover, together with Alexander Radishchev's *Journey from St. Petersburg to Moscow*.

This collaboration was not accidental. Herzen deliberately paired the two thinkers, making one of them a victim. Herzen criticized Shcherbatov because he interpreted the Prince's moral criticism as a justification of pre-Petrine Russia. In Radishchev's work, he saw a call to overthrow the reactionary regime.

However, a careful reading of the pamphlet shows that Shcherbatov did not idealize the past. Unlike Radishchev, he proposes not to destroy the imperfect society, but to improve upon it, according to the understanding of the logic of history. If morals are "corrupted" because of neglecting the laws of social development, then they may be "fixed" once these laws have become known, and realized.

Key words: Michael Shcherbatov, "On the Corruption of Morals in Russia", enlightenment, Russia, Alexander Herzen, intellectual reputation, historical PR

Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) — был недооценен современниками и не понят потомками. Роковую роль в его судьбе сыграли И. Н. Болтин, разрушивший его репутацию

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №10-03-00667.

Статья послужила основой доклада Т. В. Артемьевой на Втором Российском культурологическом конгрессе с международным участием «Культурное многообразие — от прошлого к будущему», прошедшем в Санкт-Петербурге в ноябре 2008 г.

серьезного историка систематическими придирками и многотомными (!) рецензиями¹ и А. И. Герцен, взявший на себя право определить степень значимости и место в системе авторитетов отечественной мысли. В своей статье я хотела бы не столько определить, какое именно место надлежало бы занимать автору многочисленных исторических, философских и социально-по-

¹ См. об этом: Т. В. Артемьева Михаил Щербатов. СПб, 1994; Д. Н. Шанский Из истории русской исторической мысли. И. Н. Болтин. М., 1983.



АРТЕМЬЕВА Татьяна Владимировна / Tatiana ARTEMYEVA

| М. М. Щербатов и А. И. Герцен. Формирование интеллектуальной репутации |

литических сочинений, во многом определивших интеллектуальную атмосферу эпохи, сколько понять, как происходит это «распределение» и как формируется оценка, признание, репутация мыслителя как его современниками, так и потомками.

Парадигма иерархического соотношения настолько привычна для построения любых социокультурных моделей, что не вызывает вопроса. Кажется, что это самый естественный, разумный и адекватный способ упорядочивания в мире идей. Он молчаливо «принят» как узким кругом специалистов, так и широким сообществом обладателей здравого смысла.

В гуманитарной области практически всегда ясно, и не подлежит сомнению, кто именно является «самым великим», кто составляет «второй ряд», а кто относится к «культурному фону». Более того, подвергать сомнению величие признанных гениев не только не принято, но и опасно для профессиональной репутации. Великие «переоценки ценностей», конечно, случаются, но происходят чаще всего в силу причин политико-идеологического, нежели рационального или аксиологического характера.

Считается, что положение мыслителя (писателя, художника, или другого творца гуманитарных ценностей) в иерархии ему подобных устанавливается на основе суммы оценок, которые делаются обществом более или менее осознанно, в соответствии с «истинной ценностью» его творчества. В результате «история все расставляет на свои места»: гению воздается по заслугам, его помнят поколения, таланты известны специалистам, а бездарности забываются навеки. На самом деле никто и никогда не мог описать, как же удается (и удается ли) реализовать это «торжество исторической справедливости». Вряд ли история дает объективное видение, скорее всего это просто исторический предрассудок, основанный на предубеждении, что «история учит», а мы изучаем историю, чтобы «не повторять ошибок прошлого». Именно поэтому добросовестный неангажированный исследователь может не только испытывать некоторое недоумение, но просто быть обескураженным тем, насколько неравномерно и «несправедливо» распределяется оценка исторической значимости достижений того или иного мыслителя.

Вероятно иерархия культурных авторитетов выстраивается не «самой историей» а определенными (хотя и не всегда явными) действующими в ней силами, которым по каким-то причинам нужно возвысить одни фигуры и завуалировать (а может быть даже и принизить) другие. Это может быть сделано в силу разных причин, чаще всего весьма далеких от желания объективно оценить мыслителя прошлого. Впрочем, порой это просто воздействие исторического «пиара» самих мыслителей, многие из которых прекрасно понимали, как использовать механизмы, формирующие популярность, и как извлечь из этой популярности выгоду. Иногда они сами занимались собственной популяризацией, сознательно или интуитивно выбирая определенные формы и методы, иногда пользовались услугами литературных агентов.

Никого не удивляет, что таким приемом пользуются (и всегда пользовались) политические фигуры для того, чтобы представить себя в определенном, выгодном для данного момента свете. Все знают о существовании специфических технологий и специалистов-политтехнологов, которые «формируют харизмы» и создают, в зависимости от конкретной ситуации, образ недостижимого божества, или «своего парня», свободолюбивого демократа, или брутального любителя порядка. Привлекатель-

ность образа определяется аксиологической моделью эпохи и лидер наделяется сверхпозитивными качествами, иногда даже вопреки своим личностным чертам.

Такова же ситуация в сфере массовой культуры. Мы знаем только таких ее героев, которые имеют возможность тиражировать свои таланты через телевидение, Интернет и радио. Анатомия популярности сведена к технологии, а последняя, став, кстати, учебной дисциплиной, исследуется, систематизируется и с успехом применяется в различных сферах. Почему же в сфере «высокой» культуры, допустим философии, ситуация должна быть другой? Потому, что ее потребителями являются высокообразованные интеллектуалы? Но ведь популярность феномен психологический. Более того, специалисты, обычно, являются экспертами в собственной, достаточно узкой области, выходя за пределы которой, доверяются не столько другим экспертам, сколько общепризнанным мнениям. Даже в очень специализированных статьях можно встретить высказывания типа «общеизвестно», «не подлежит сомнению, что» и т.п. Попробуйте заявить, что Вы не знаете на чем основано величие Гегеля, или популярность Вольтера. Никто не будет этого объяснять, просто Вы поставите под сомнение полноценность своего образования. При этом пожимать плечами будут как раз те, кто никогда не читал ни того, ни другого, но, в отличие от Вас, точно знает, что к чему в этой системе авторитетов.

Если обратиться к специализированной сфере, занимающейся анализом и изложением философских систем — истории философии, то мы увидим, что эта сфера исполнена предрассудков и субъективных мнений не в меньшей степени, чем всякая другая. Принято считать, что в ней уже установлен определенный порядок в виде интеллектуально-временной иерархии и список «великих имен» установлен и практически завершен. Однако, не совсем ясно, кем и когда он установлен, а так же с какой стати мы должны принимать его как единственно данный и достаточный. Можно предположить, что его построение также является результатом «исторического пиара», хотя, вероятно, в данном случае речь будет идти не о сознательных усилиях, основанных на идеологических технологиях, а о неосознанных предпочтениях, основания которых скрыты в системе стихийно сложившейся общественной мифологии.

Программное сочинение М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», было написано мыслителем «в стол» и издано лишь в 1858 году Вольной русской типографией А. И. Герцена в Лондоне под одной обложкой с книгой А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Такое соседство не было случайным. Герцен намеренно противопоставляет мыслителей, принося одного из них в жертву прославлению другого. «Князь Щербатов и А. Радищев, — писал Герцен, — представляются собой два крайних воззрения на Россию времен Екатерины. Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят в противоположные стороны. Щербатов, отворачиваясь от распутного двора сего времени, смотрит в ту дверь, в которую взшел Петр I и за нею видит чинную чванную Русь московскую, — и полудикий быт наших предков кажется ему недовольному старику каким-то утраченным идеалом»².

² «О повреждении нравов в России» князя Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное изд./ Вступит. Статья и коммент. Н. Я. Эйдельмана. М., 1985. С. V.



АРТЕМЬЕВА Татьяна Владимировна / Tatiana ARTEMYEVA

| М. М. Щербатов и А. И. Герцен. Формирование интеллектуальной репутации |

А. И. Герцен выстроил в своем «Предисловии» к публикации текстов простейший силлогизм, доказывающий «предславянофильство» Щербатова: если нравы «повредились», то до какого-то момента они пребывали в целостности, а раз «повредиться» они начали после Петра, следовательно, Щербатов выступает против петровских, а равно и против всяких других преобразований. По мнению Герцена, «скучный и полудиккий быт наших предков кажется недовольному старику каким-то утраченным идеалом», а «чинная и чванная Русь» — его духовным ориентиром³. Однако нужно совсем не знать Щербатова, чтобы приписывать ему такие мысли. Действительно, он осуждал отдельные петровские начинания, однако был искренне убежден, что «в рассуждении просвещения и славы» Россия в годы его правления продвинулась далеко вперед. Весьма примечательно его замечание относительно «нужной, но излишней перемены», свершившейся в России.

Личные качества Петра Щербатов подробно анализирует в статье «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого». На его примере Щербатов показывает, каким образом соединяются в человеке различные качества, как формируется характер. Он полагает, что пороки и добродетели не являются трансцендентными и универсальными константами, а связаны с определенной социальной средой и временем. Качества, подвергающиеся моральной оценке, Щербатов предлагает разделить на «врожденные», связанные с темпераментом; «вкорененные», представляющие собой устойчивые комплексы общественных предрассудков; «человеческие слабости» и «нравы» — исторически определенные моральные системы, формирующиеся в результате воспитания. «Признаемся всем, — пишет он, — что жесток был Петр Великий, но возложим отчасти сию жестокость на время, в которое он родился, на обстоятельство и на образ, коим воспитан был... Нужда его заставляла быть деспотом, но в сердце он имел расположение и, можно сказать, влиянное познание взаимственных обязательств государя с подданными»⁴.

Главные замечания Щербатова касаются не личности Петра и даже не его нововведений, а тех методов, которыми свершались эти нововведения. Новые законы, полагает он, должны учитывать сложившиеся традиции и обычаи, а не менять их «вдруг». Манипулирование общественным сознанием небезопасно, существует определенный предел власти государя. Он может ввести новый закон, но не в его силах изменить традицию. Столкновение «закона» и «обычая» непредсказуемо и грозит нарушением общественной стабильности, что ведет к «повреждению нравов». Щербатов указывает на исторические примеры такого рода. В «Опыте о древних российских монетах» он пишет о том, что благое начинание может принести противоположный эффект, если не учитывать это правило.

Введение нового закона требует не только государственной мудрости, но и понимания исторических законов. В статье «Размышление о законодательстве вообще» Щербатов подробно развивает эту мысль. Многие желают создать новые совершенные законы. На это претендуют государя, вельможи, философы. Однако «многие ли вникли в те обстоятельства, которые

должны быть основанием законов? Взяли ли весь надлежащий труд сообразить политические и гражданские законы с божественными и естественными? Рассмотрели ли умоначертание народное и расположение страны? Вникнули ли в пребывающие законы, и с какими намерениями они были соделаны, и в самые обычаи? И мудро умеют ли соединить пользы неродные с пользою государевою и государства?»⁵. Учесть все это одному человеку крайне трудно, а скорее всего и невозможно, ибо человек всегда связан с определенной социальной средой и будет формировать законы в соответствии с представлениями, а иной раз и предрассудками того сословия, к которому относится сам, и не сможет понять многочисленные особенности жизни других слоев. Совершенным законодателем не может стать и государь, ибо льстивые придворные лишают его возможности быть объективным. «Ни государь один, ни вельможа один, ни приватный человек, пышностью, честолюбием и сладострастием увлекаемый, не затупивши чувства свои, какими бы просвещениями озарены ни были, не удобны суть к сочинению всенародного законодательства», — полагает Щербатов⁶. Законы не могут «сочиняться» также ни «малым», ни «большим» собранием, так как частные интересы, войдя в противоречие друг с другом, наполняют их «смутностью, невежеством и пристрастиями», превратив заседания в бесконечные «выяснения отношений», наконец, «законодательство не может быть раздробительно и сочиняемо, ибо как все законы должны клониться к единому средоточию, то есть к общему благу, то в раздроблении сочинения по частям закона едва ли и двое, раздельно работающие, могут точно узреть прямое место сего средоточия»⁷.

Но что же делать? Ведь в нормальном государстве все время должна совершаться корректировка законодательства, ибо «нести на свете законов, которые бы от времени до времени не требовали некоего направления или перемены»⁸. Как избежать субъективности и проявления групповой амбициозности, некомпетентности, волюнтаризма? Щербатов полагает, что для этого необходимо изменить саму систему правовых институтов, создать специальный законодательный орган — «комиссию», разделенную на четыре независимых департамента. Первый занимался бы изучением «древнего» законодательства, анализом и извлечением «экстракта» из решений и постановлений различных коллегий и ведомств; второй — систематизировал бы их и с учетом необходимого составлял бы проекты законов, доводил их до всеобщего сведения и обосновывал необходимость их введения; третий — собирал бы мнения различных слоев населения, а четвертый, «соображая законы и мнения», обсуждал бы и принимал законы, которые затем поступали бы для утверждения к государю.

Щербатов полагал, что такое «учреждение для составления законов» позволит избежать многих недостатков, свойственных традиционным формам законотворчества. В нем не может быть «несведения древних законов», ибо изучением их специально занимается первый департамент, не может быть и «несведения государственных нужд», так как в процесс обсуждения и формирования законов будут вовлечены все граждане

⁵ Там же. Т. 1. СПб., 1896. Стб. 355–356.

⁶ Там же. Стб. 366.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Стб. 365.

³ Там же.

⁴ Щербатов М. М. Сочинения Князя М. М. Щербатова. Т. 2. СПб., 1898. Стб. 38–39.



АРТЕМЬЕВА Татьяна Владимировна / Tatiana ARTEMYEVA

| М. М. Щербатов и А. И. Герцен. Формирование интеллектуальной репутации |

государства. Даже процесс формулировки и окончательной редакции законодательных актов разделены между разными департаментами, чтобы избежать субъективизма и «пристрастности».

Щербатов не пишет, как он мыслит проводить опросы общественного мнения, что в условиях слабого развития средств массовой коммуникации и всеобщей неграмотности, конечно, немаловажно, но уже само признание такой необходимости весьма характерно. Щербатов хочет, чтобы созданием законов занималось само общество, «а понеже каждый гражданин не лишен был драгоценного права спомоществовать своими советами к тому законодательству, под коим он и чады его жить должны, возлюбит он его яко труды рук своих, и не токмо блаженством, которое мнит от него себе получить, и опасностью за преступление наказан быть, но и яко отчасти к деянию своему прилепится и будет точно наблюдатель оногo»⁹.

Законы должны быть написаны простым и ясным слогом, исключаяющим разночтения, и обязательно учитывать народные нравы. Таким образом, Щербатов полагает, что правовые положения должны быть детерминированы моральными и учитывать тенденции и традиции регламентации отношений людей, принадлежащих к той или иной социальной группе. В свою очередь, моральные идеалы испытывают воздействие политических режимов и типов государственной власти. В статье «Разные рассуждения о правлении» Щербатов пишет о том, что «в монархии люди честолюбивы, во аристократии горды и тверды, в демократии смутнолюбивы и увертчивы, в самовластном же правлении подлы и низки»¹⁰. Изменение политического режима должно вести за собой кардинальное изменение в области моральных структур, пересмотр моральных кодексов и нравственных ценностей, что неминуемо воспринимается обществом как «повреждение нравов».

Петр I строил монархическое государство, поэтому он должен был принимать законы, которые обеспечили бы существование именно этого политического строя. Однако в череде многообразных, безусловно, благих начинаний, он забыл, или не успел создать главный закон, обеспечивающий сохранение монархии, — закон о престолонаследии. По мнению Щербатова, отсутствие этого закона в законодательстве России привело к сползанию в «самовластие». Он осуждает окружение Петра, которое вместо того, чтобы указать государю на необходимость такого закона, оправдывало волюнтаризм в определении права наследования.

«Малое просвещение», по мнению Щербатова, хуже невежества, оно смущает душу, но не дает ей достойной пищи, приводя людей в «вящее заблуждения» и толкая к «духу неподданства». Примером этого могут служить результаты социальных преобразований Петра. На первый взгляд кажется, что Россия процветает, она «приобрела знаемость в Европе и вес в делах, войска ее стали порядочным образом учрежденны, и флоты Белое и Балтийское море покрыли, коими сила победила давних своих неприятелей и прежних победителей... Науки и художества, и ремеслы в ней стали процветать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались россияне из бородатых в

гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительные, и позорищи благонравные известны им учинились. Но тогда же искренней привязанность к вере стала исчезать, таинства стали впадать в презрение, твердость уменьшилась, уступая место нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбие положили основание своей власти, а сим побуждено и корыстолюбие к разрушению законов и ко вреду граждан начало проникать и в судебные места»¹¹. Благие начинания обернулись несчастьем для страны. Однако это произошло вовсе не потому, что были предприняты попытки изменить традиционные порядки, а потому, что не была учтена сила инерции. Решения, принимавшиеся царем-реформатором, отличались субъективностью, а следовательно, и односторонностью, он не смог учесть всех нюансов развития сложного общественного организма, а потому государство, балансировавшее на острой грани между «монаршичьим» и «самовластным» правлением, скатилось к самовластию, или «деспотичеству».

Таким образом, причина «повреждения нравов» заключается в изменении политического режима, произошедшего не от злой воли тирана, каковым Щербатов никогда Петра не считал, а от пренебрежения фундаментальными законами общественного развития. Щербатов вовсе не ретроград, призывающий вернуться к допетровским обычаям. «Старина», о которой он пишет в памфлете, обозначает у него не историческое время, а определенное состояние общества, когда «нравы» и «обычаи» более гармонично сочетались с «законами». Он, конечно, не считает переход от «монархического» к «самовластному» закономерностью исторической эволюции. Более того, Щербатов вообще не склонен считать время единственной причиной общественных перемен. Прошлое и будущее не имеют для него исторически оценочного смысла. Творцом истории является человек, а его существенные качества остаются постоянными, несмотря на некоторую корректировку, которую вносят условия жизни и воспитания. Иными словами, человек не становится ни лучше, ни хуже. «Можно сказать, — пишет Щербатов, — что хотя науки, просвещение и самый закон многое, кажется, в наших нравах пременяли, но внутренность человека есть всегда одинакова, и каковы зрим мы приключения в древних народах, то не должно удивляться, естли видим и в нынешних, а что касается до простого народа, то можно еще в нем и более сходства с теми сыскать»¹². Щербатов не считает, что ходу истории свойственно (или предписано) какое-то движение — прогрессивное, регрессивное, или же циклическое, «коловратное». Степень благосостояния — дело рук самих людей. «Совершенное» общественное устройство не связано механически со временем, а зависит от понимания самими людьми объективных законов социального бытия и использования их.

Щербатов не мог идеализировать старину. Автор «Истории российской» знал прошлое своей страны не хуже Герцена, мифологизировавшего его взгляды. Да и не благодаря ли ему, разбивавшему разваливающиеся в прах исторические документы, систематизировавшему факты, сопоставлявшему летописи, знакома эта «старина» его поздним критикам.

¹¹ «О повреждении нравов в России» князя Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное изд. С. 82, прил.

¹² Щербатов М. М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774. С. 5.

⁹ Там же. Стб. 370.

¹⁰ Там же. Стб. 346.



АРТЕМЬЕВА Татьяна Владимировна / Tatiana ARTEMYEVA

| М. М. Щербатов и А. И. Герцен. Формирование интеллектуальной репутации |

«Старина», о которой говорит в памфлете Щербатов, — не более чем метафора. Содержанием этого понятия является не «предыдущее», а «лучшее», не «прошлое», а «совершенное». Временное обозначение здесь абсолютно условно. «Лучшее» и «совершенное» может в равной степени принадлежать как прошлому, так и будущему. Если «повреждение нравов» совершилось в результате пренебрежения законами общественного развития, то «исправиться» они должны тогда, когда эти законы будут познаны и использованы. По мнению Щербатова, для этого достаточно субъективного усилия. Вернуть страну на путь добродетели должен новый царь-реформатор. Зло, невольно нанесенное Петром, должно быть истреблено «лучшим царствованием», «а до него дойти иначе не можно, как тогда, когда мы будем иметь государя, искренно привязанного к Закону Божию, строгого наблюдателя правосудия, начавши с себя, умеренного в пышности царского престола, награждающего добродетель и ненавидящего пороки, показующего пример трудолюбия и снисхождения на советы умных людей, тверда в предприятиях, но без упрямства, мягкосердна и постоянна в дружбе, показующего пример собою своим домашним согласием с своей супругою и гонящего любострастии, щедря без расточимости для своих подданных и искавшего награждать добродетели, качества и и заслуги без всякого пристрастия,

умеющего разделить труды, что принадлежит каким учрежденным правительствам и что государю на себя взять, и наконец, могущего иметь довольно великодушия и любви к отечеству, чтобы составить и предать основательные права государству, и довольно тверда, чтобы их исполнять»¹³. Когда это случится, «изгнанная добродетель, оставя пустыни, утвердит среди градов и при самом дворе престол свой, правосудие не покривит свои вески ни для мзды, ни для сильного; мздоимство и робость от вельмож изгоняется, любовь отечества возгнездится в сердца гражданские, и будут не пышностью жития и не богатством хвалиться, но беспристрастностью, заслугами и бескорыстностию. Не будут помышлять, — кто при дворе велик и кто упадет, но, имея в предмете закон и добродетель, будут почитать их яко компасом, могущих их довести и до чинов и до достатка»¹⁴.

Таким образом, внимательное чтение текста, опубликованного Герценом, опровергает сделанные им в предисловии выводы. Но в том и особенность великого мастера репутаций. Найденным им ярким образом жалко жертвовать в пользу какой-то унылой справедливости.

¹³ «О повреждении нравов в России» князя Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное изд. / С. 129–130, прил.

¹⁴ Там же. С. 130. прил.

